

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 22-28.12.2017

Номер выпуска: 144

Заглавие: Знаете, все это было...

Автор: Виктор Волошин

День за днем пролетает, вот уже и год на исходе. А в следующем нашей «Таганроженке» исполнится сто лет. Сколько событий вместило это короткое слово «сто»! И сегодня мы продолжаем знакомить читателей с воспоминаниями наших коллег и друзей – о времени, о газете, о себе. И пусть не смущают вас кое-какие «вольности», воспоминания-то не официальные, а те, что идут от души, ведь всё это было... Слово берет давний друг «ТП» и некогда ее штатный «коммерсант» Виктор ВОЛОШИН

В год 60-летия Октября

Впервые я попал в редакцию «Таганрогской правды» в год 60-летия Октябрьской революции и 150-летия Чеховского театра. Пришел к своему другу и коллеге Николаю Малинскому, который успешно совмещал учебный процесс на кафедре «Охраны труда» ТРТИ с работой обозревателя «Таганрогской правды». Пришел просто так, во-первых, давно не виделись, а во-вторых, хотелось отметить с другом начало нового года.

Надо сказать, что сотрудничать с «Таганрогской правдой» Николай начал еще в студенческие годы как общественный корреспондент и эту связь не прерывал до последних своих дней. Пройдет пять лет, и в 1982 году, он расстанется с институтом и перейдет на постоянную работу в редакцию уже в качестве штатного журналиста-обозревателя. Но это произойдет потом, а пока в круговороте январских дней набирал обороты новый, 1977 год.

Николай сидел в своем прокурорском кабинете и что-то энергично писал. Увидев меня, попросил немножко подождать, пока освободится. Закончив работу, Коля схватил со стола исписанные листы и куда-то умчался. Вернулся через несколько минут, мы обменялись рукопожатием и приступили к обсуждению текущих дел на нашей кафедре и городских новостей. Потом читали друг другу свои литературные «шедевры», написанные в последнее время, а для подъема настроения и творческого вдохновения поддерживали себя «Бургундским» (так Коля называл азербайджанский портвейн «Агдам»). Помню, с каким азартом он читал мне свои рассказы о Зимбулатовке – деревне, где прошли его детские годы. И всё спрашивал: «Ну как?! Ну как?!» Когда рабочий день подошел к концу, мы собрались и по давней традиции отправились в поход «по чеховским местам». И только ограниченный круг лиц понимал, что на самом деле нас интересовали отнюдь не музеи, а пивные точки города. Как молоды мы были!

Однажды, в следующий мой визит в редакцию, Николай неожиданно спросил, как я отношусь к театру и ходил ли на спектакли в детские годы. Я ответил: «Конечно, и даже регулярно».

– Слушай, Вахтанг, – неожиданно назвал он меня этим грузинским именем, хотя на «лицо кавказской национальности» я никак не походил, скорее наоборот. – Напиши сто строк своих воспоминаний о театре. Понимаешь, мы готовим разворот к юбилею театра, почти всё есть, но не хватает какой-то лирики, детской наивности. Напишешь?

Я дал «честное пионерское» и через несколько дней принес ему свои «мемуары». К месту будет заметить, что некоторый опыт совместного творчества у нас с ним уже имелся. Мы с Колей выпускали кафедральную газету «Технолог», веселую и оригинальную, лишённую всякого официоза и банальных замечок.

Увидев меня, Коля обрадовался, взял мои листы, закурил свой «Беломор» и углубился в чтение. Он что-то вычеркивал, исправлял, дописывал, хмыкал, потом скомкал два листа и выбросил в корзину.

– Вахтанг, – обратился ко мне Николай, – а ты молодец, хорошо написал! Только я просил сто строк, а ты накалал все триста, поэтому я кое-что убрал.

«Ничего себе «кое-что», – подумал я, – больше половины выкинул». Потом он спохватился, посмотрел на часы и произнес:

– Идем, надо главному твою заметку показать, а заодно и познакомлю вас.

Мне стало очень интересно, кто у них тут «главный», и я пошел за Николаем. Вошли в большую угловую комнату. За просторным столом сидел немолодой мужчина с озабоченным выражением лица и папиросой в руке (а может, и сигаретой). На лацкане серого пиджака виднелся орден Отечественной войны. «Фронтвик», – подумал я. Мой друг, обращаясь к хозяину кабинета, произнес:

– Иван Николаевич, извините, я на минуту. Докладываю: театральные развороты почти готовы, вот последнюю заметку автор принес. Посмотрите сейчас, а то завтра уже надо в набор сдавать.

И он протянул главному редактору то, что осталось от моей рукописи. Тот начал читать, а потом, обращаясь к Малинскому, сказал:

– Николай, ты, я вижу, уже прошелся по ней. Если у тебя возражений нет, то сдавай в печать. Девчата еще здесь.

Выйдя из кабинета главного редактора, Коля повел меня в машбюро, которое находилось рядом, можно сказать, дверь в дверь. Рукопись у нас приняла женщина с золотистыми, явно крашеными волосами. При этом проворчала, что сегодня уже собралась домой и ничего печатать не будет, а утром сделает обязательно. Поблагодарив машинистку, мы с Николаем с чистой совестью отправились по «чеховским местам».

А через несколько дней в одном из февральских номеров «Таганрогской правды» на развороте, посвященном 150-летию Чеховского театра, появились мои первые сто строк «о театре». Заметка называлась «Каждый день – открытие», заголовок к ней придумал Николай. А еще через две недели домой пришло почтовое извещение о причитающемся мне гонораре в размере 3 рублей 62 копеек. Совпадения, однако!

Пройдет еще какое-то время, и Николай организует при редакции штатный отдел науки и техники, в него войдут молодые преподаватели ТРТИ тех лет: сам Николай, С.А. Андреев, С.А. Колосов, автор этих строк, и еще два-три человека, имена которых память не сохранила. Отдел просуществовал недолго, не более двух лет, а потом по ряду объективных причин распался. Но наша дружба на этом не закончилась, несмотря на то, что каждый из нас пошел по жизни своим путем.

Наш друг и товарищ Николай Антонович Малинский ушел из жизни 1 августа 1992 года после тяжелой, неизлечимой болезни. Ему было всего сорок восемь. Поработать с ним в редакции мне не довелось.

Борис Слуцкий и другие

В мае 1992 года судьба взяла меня за руку и вновь привела в редакцию «Таганрогской правды». Этому предшествовала случайная встреча на «Петровской авеню» с бывшим коллегой по работе в ТРТИ Владиславом Жигалкиным. Когда-то мы с ним варились в одном учебном котле, работая ассистентами, правда, на разных кафедрах. И, как обычно в таких случаях, посыпались вопросы: «Как поживаешь?», «Что делаешь?», «Где работаешь?», «Семья, дети есть?» – и всё в таком же духе.

Так я узнал, что Владислав Витальевич трудится в «Таганрогской правде» заместителем главного редактора по коммерческой работе. А когда я ему сказал, что

«демократическая» волна вынесла меня за пределы НКБ «Миус», где я честно отработал десять лет, и выбросила на пустынный берег вечной надежды и веры в светлое будущее, он оживился и предложил:

– Слушай, давай к нам, у нас вакансия на должность начальника коммерческого отдела.

Такое предложение обескуражило, но больше удивило. «Какая может быть коммерция в газете?!» – подумал я. В те годы в основе коммерческой деятельности лежал принцип «купи-продай», и такая коммерция меня не привлекала. Но появился интерес, поэтому на следующий день я переступил порог редакции «Таганрогской правды». Владислава разыскал быстро, но он куда-то торопился и, оставив меня дожидаться его в своем кабинете (по иронии судьбы в том самом, где мы когда-то с Колей Малинским дегустировали «Бургундское»), умчался по своим делам. Вернулся минут через тридцать-сорок весь в мыле и на нервах. Не объясняя в чем дело, он сказал, что нас ждет Слуцкий. И мы направились в уже знакомый мне кабинет.

Интерьер кабинета главного редактора газеты за минувшие годы мало изменился. Всё тот же огромный Т-образный стол, старая вешалка, на стене портрет А.П. Чехова. В центре редакторского стола сидел Борис Моисеевич Слуцкий, по правую руку от него – неизвестная мне женщина приятной наружности, как потом выяснилось, главный бухгалтер редакции Елена Павловна Козодёрова, а спиной к нам с горящей сигаретой – ответственный секретарь газеты Валерий Константинович Дроботов. Прекратив беседовать с коллегами, Борис Моисеевич улыбнулся и сказал:

– Ну что ж, давайте знакомиться.

И попросил меня рассказать о себе, кто я, да что я, какое у меня образование и где работал раньше.

Я пересказал часть своей биографии, замолчал и ждал, что скажет редактор. И тут последовал неожиданный вопрос:

– А вы раньше занимались коммерцией?

– Нет, коммерцией я не занимался, – ответил я и добавил: – Но кое-какие мысли есть (соврал для красного словца).

– Ладно, – подвел черту главный редактор, – мы вас возьмем, но с испытательным сроком два месяца.

И тут заговорила сидящая женщина:

– Борис Моисеевич, да хватит и месяца, ну что мы будем парня мучить.

На этом кастинг (по-русски – смотрины) закончился. Перед тем, как покинуть кабинет, Слуцкий сказал:

– Виктор, завтра у нас в десять планерка, приходи, мы тебя представим коллективу журналистов.

И мы с Жигалкиным вышли в приемную.

Явление новенького народу

Об этом эпизоде можно было бы и не писать, но слишком он врезался в память и, по сути, явился началом моей новой трудовой деятельности. Итак, на следующий день я сидел в приемной редактора, ожидая начала планерки. Хлопали двери, входили и выходили какие-то люди, ощущались некоторая суета и нервозность. Наталья Павловна Иванова – секретарь редакции только и успевала мне объяснять, кто есть кто из входящих и выходящих. Некоторых я уже знал. Сашку Ермакова еще по школе, мы с ним учились в одном классе, Володю Фойта – как бывшего вратаря футбольной команды «Торпедо», я даже успел с ним познакомиться во время совместной работы над одной острой социальной темой.

Елену Чехову запомнил еще с того памятного дня 1977 года, когда впервые пришел в редакцию навестить своего друга. Правда, тогда она носила еще девичью фамилию

Строкаченко. А в 92-м Лена уже считалась признанным авторитетом-профессионалом, являясь «маяком» для молодых начинающих журналисток, пришедших в редакцию в начале 90-х.

Других журналистов я знал заочно, разве что по фамилиям, как авторов статей в «Таганрогской правде». К примеру, Бориса Курцера или Геннадия Андрианова.

С Борисом Яковлевичем Курцером наши пути сойдутся, когда в 1993 году он уйдет из редакции и целиком переключится на полиграфическую деятельность. Одновременно он продолжит выпуск первой в городе информационно-рекламной газеты «Таганрогский курьер», являясь ее бессменным редактором с ноября 1989 года.

А с Геннадием Федоровичем Андриановым я заочно «познакомился» в июле 1991 года на чеховском вечере, посвященном памяти А.П. Чехова. В Литературном музее, в старом здании Чеховской гимназии, молодые артисты городского театра давали камерный спектакль по рассказам А.П. Чехова. Когда «уж зал был полон», вошел невысокого роста полноватый мужчина и сел рядом со мной. Через несколько минут после начала представления мужчина опустил голову и... задремал. Я удивился: ну как можно заснуть «на Чехове»! И спросил свою спутницу: «Кто это»? А в ответ услышал: «Так это же журналист Андрианов, он о театре пишет!» А буквально на следующий день в «Таганрогской правде» появилась статья об этом вечере, о спектакле молодых актеров, восторженная и глубоко профессиональная. Под ней стояла подпись: «Г. Андрианов». Вот это класс!

Явление новенького народу

Из состояния задумчивости меня вывел голос Натальи Павловны, приглашающей всех в кабинет главного редактора. Я робко зашел, не зная, куда сесть. Володя Фойт, увидев мое замешательство, предложил сесть рядом с ним. Я возражать не стал.

В это время в кабинет влетела улыбающаяся особа в броском одеянии, слегка возбужденная, с радостным выражением на лице. При ее появлении все оживились, раздались дружеские реплики: «Танечка, а мы без тебя не начинаем, ждем, когда ты, солнышко, появишься!» Игнорируя подтрунивания коллег, Танечка направилась в мою сторону. Подойдя ближе, она с тем же выражением лица проговорила:

– Между прочим, это мое место, я тут всегда сижу! – и указала на него пальчиком.

В разговор вмешался Фойт:

– Зеленская, ну сядь ты рядом, есть же место, тебе не всё равно?

На нее зашикали и другие:

– Таня, ну пусть человек сидит, он же не знал, что это твое насиженное место.

Но она продолжала настаивать, и пришлось уступить, и мы с Володей передвинулись ровно на один стул.

Только все расселись, заговорил Борис Моисеевич. Обращаясь к собравшимся, он объявил, что в редакции вводится новая должность начальника коммерческого отдела, и на нее мы берем... и Слуцкий назвал мои имя и фамилию. Что тут началось! Все разом загалдели, заволновались, забеспокоились. По какому случаю шум, гам, тарарам, главный редактор понять не мог. Наконец ему удалось вклиниться в общую «полемику», и он попросил, чтобы кто-нибудь внятно объяснил, почему народ возмущается. Встал мой сосед Фойт и произнес примерно следующее:

– Борис Моисеевич, у нас уже есть один зам по коммерции, зачем нам нужен еще второй коммерсант? Что он будет делать?

И, нагнувшись ко мне, шепнул: «К тебе это не относится». Отвечая на заданный вопрос, Борис Моисеевич стал рисовать перспективы развития редакции в свете текущего момента и новых рыночных отношений. А потом добавил, что на меня, кроме всего прочего, будет возложена задача обеспечения сотрудников редакции продуктами питания – мясом,

молоком, овощами, причем прямо с ферм, полей и огородов близлежащих колхозов и совхозов. И тут «среди шумного бала» раздался выкрик Татьяны Зеленской:

– Может, он и яйца будет нам возить?!

– Может, и яйца, – парировал Борис Моисеевич. – Кстати, с яйцами в магазинах тоже напряженка, а на рынке дороговато, сами знаете. К слову сказать, в дальнейшем, работая на новом поприще, яйца я возил регулярно, и они, как правило, пользовались огромным успехом. Правда, не всегда всем хватало, и приходилось вводить ограничения: не более двух ячеек в одни руки. И Татьяна Федоровна Зеленская, которая так опрометчиво высказалась о яйцах на планерке, приходила за ними в числе первых. И если получалось, я всегда оставлял ей две-три ячейки как многодетной матери.

Даёшь офсет!

В начале 90-х годов страна повсеместно стала переходить на новые прогрессивные технологии в производстве полиграфической продукции. Такой «инновационный» метод получил название офсетной печати. Толчком к этому послужило стремительное развитие компьютерной техники и сопутствующих технологий. Нельзя сказать, чтобы в СССР об офсетных технологиях ничего не знали. Знали, и очень даже хорошо. Так, офсетный метод широко применялся для изготовления печатных плат в производстве радиоаппаратуры. Но не будем отвлекаться и уводить читателей в другую сферу деятельности.

О выпуске «Таганрогской правды» офсетным методом давно мечтал главный редактор Борис Слуцкий. И в 1992 году его мечта сбылась. Для этой цели редакция приобрела несколько комплектов персональных компьютеров для подготовки и изготовления макета будущей газеты, выполняемого на «кальке». Но Таганрогская типография № 10 (а попросту «десятка») в то время еще не имела офсетного оборудования, на котором можно было бы печатать крупноформатную газету, какой являлась «Таганрогская правда». И Борис Слуцкий заключил договор с издательством «Молот» на выпуск тогда еще ежедневной газеты.

Первопроходцами офсетной технологии в редакции стали Валерий Чернов (руководитель группы), Любовь Пахомова, Ольга Черкасова, Светлана Цирюльникова, Ольга Дохнова и художник-дизайнер Ирина Самойленко. Все они в свое время получили высшее образование в нашем же ТРТИ.

Договор – это, конечно, хорошо. И, как говаривал генсек Михаил Горбачев, «и это правильно, товарищи!». Но калька каким-то образом должна была попасть в Ростов, в типографию издательства «Молот». И эту доставку Борис Моисеевич поручил своему заму по коммерции Владиславу Витальевичу Жигалкину.

Издательство «Молот», цех офсетной печати

Первые листы кальки для первой офсетной газеты повез в Ростов лично Владислав Витальевич. На складе нашли большую твердую папку подходящего формата, в нее нежно, как ребенка, уложили кальку, переложив ее листами белой бумаги, дабы ненароком не помять и не запачкать. И мой начальник на редакционном автомобиле помчался в Ростов.

Все с нетерпением ждали его возвращения. Вернулся он после обеда возбужденный и с негодованием стал рассказывать:

– Знаешь, Виктор, вот я набегался в Ростове, намаялся, намучился, сил нет! Ты бы видел, какой там бардак! А начальник цеха просто довел меня до белого каления. Хлебнем мы с ним горя. Завтра забирать газету поедем вдвоем, сказали, утром можно приезжать.

И на следующий день с утра мы поехали за газетой на арендованном в автоколонне № 1423 автобусе. Приехали вовремя, но оказалось, что рано. Газету отпечатали, однако она не прошла сортировку, и нам предложили подождать минут 40-50. Пока ждали, Владислав

Жигалкин показал мне на пробежавшего мимо мужчину, который с деловым видом мотался по огромному цеху то туда, то сюда, решая какие-то производственные проблемы.

– Видимо, в дальнейшем тебе придется с ним работать, – сказал Жигалкин, делая ударение на слове «тебе».

– А почему мне? – удивился я. – Это что, коммерческая деятельность?

– Ну, пока Слуцкий нам поручил этим заниматься, а с этим деятелем я, чувствую, не сработаюсь. Кстати, он твой полный тезка, тоже Виктор Анатольевич. На следующий день кальку в Ростов повез уже я. И возил ее почти год, пока не передал эстафету своему новому другу Жене Яшину. За это время я узнал много интересного в сфере газетных технологий, нашел подход и к начальнику офсетного цеха Виктору Анатольевичу Козлову. Он оказался нормальным мужиком, даже с некоторым чувством юмора. Проблем и «разборок» у меня с ним не возникало. Зря Жигалкин на него обижался...

Время пить игристое

Шло время, а настоящая коммерческая деятельность продвигалась с трудом. Нет, что-то мы, конечно, делали, какие-то операции проворачивали, но их эффективность и рентабельность оставляли желать лучшего. Борис Моисеевич неоднократно вызывал меня к себе в кабинет и говорил, что от нашей работы редакция никакой прибыли не имеет и что надо искать свою нишу в сфере коммерции и рыночной экономики. И однажды он дал подсказку.

– Ты, Виктор, найди слабое звено, область, не охваченную предпринимателями, и постарайся вклиниться туда. Может, что-нибудь и получится.

А надо сказать, что в тот исторический промежуток времени «слабым звеном» являлось отсутствие на прилавках магазинов хороших марочных вин и шампанского. Водки и «бормотухи» хватало, а вот качественные, благородные напитки еще предстояло «раскрутить». У меня открывалась возможность доставки из Молдавии коньяка «Белый аист» и марочных вин типа «Букет Молдавии», однако условия поставщика нас не устроили, и пришлось от этой сделки отказаться. Но однажды меня осенило. Вспомнив, что в Цимлянске есть завод шампанских вин, я позвонил своим друзьям в Цимлянск и попросил оказать содействие в получении у них на заводе некоторого количества «Цимлянского игристого». Друзья обрадовались предстоящей встрече и сказали: «Приезжай, поможем». И тут же добавили: «Только вези «нал», по «безналу» не дадут». Забывшим то время напоминаю, что «нал» – это наличные деньги, те, что в кошельке или в «дипломате», а может, и в рюкзаке. А «безнал» – это платеж по банковскому перечислению.

И вот с этим коммерческим предложением я пошел к редактору. Борис Моисеевич выслушал меня, призадумался и говорит:

– Что ж, идея неплохая, можно рискнуть, а мы не прогорим?

– Борис Моисеевич, – взмолился я. – Ну почему прогорим?! Там отпускные цены – просто песня.

– Ну хорошо, – согласился главный редактор, – иди оформляй командировку.

Кроме командировочного удостоверения, я на всякий случай заготовил письмо с просьбой отпустить за наличный расчет «Цимляское игристое» для нужд работников редакции. Мне выделили недавно приобретенный для коммерческих целей грузовой автомобиль с водителем Сашей, и мы отправились в дорогу.

На заводе в Цимлянске меня ожидало разочарование. Начальник отдела сбыта сначала посмеялся над моим письмом, дескать, что это за нужды такие у работников редакции, а потом наотрез отказался выделить «красное игристое». Мотивируя отказ тем, что этот товар отпускается только по утвержденной свыше квоте и только торгующим организациям, и вообще, есть указание Москвы не транжирить национальное достояние.

И взамен «красного игристого» пришлось брать обычное «белое полусухое», но тоже пользующееся повышенным спросом в летнее время. И мы с водителем в тот же день «легли» на обратный курс – в Таганрог.

Слух о том, что Волошин привез шампанское, мгновенно разлетелся по всей редакции. И народ повалил во двор посмотреть, как мы с водителем Сашей таскаем коробки в подвал. Тут же нашлись добровольцы, желающие нам помочь, но за небольшую натуроплату. Я согласился, пообещав помощникам по бутылке шампанского... одну на двоих. Когда коробки заняли свое место в подвале, а «волонтеры» получили свое, я пошел на доклад к руководству.

А на следующее утро началось... В наш отдел друг за другом потянулись сотрудники с просьбой продать кому одну, а кому – две-три бутылки шампанского. Некоторые просили в долг, до получки. Пришлось завести «амбарную книгу» и записывать должников. Что интересно, об этом каким-то образом узнали и другие приходившие по делам в редакцию, и тоже стали захаживать в нашу подсобку за шампанским. И тут я подумал: «А зачем шампанское надо куда-то «пристраивать»? Его и журналисты потихоньку разберут». Но в конце недели в наш отдел заглянула Наталья Павловна и сказала, что Борис Моисеевич срочно хочет меня видеть. И я поспешил к шефу.

Главный редактор, как всегда, что-то писал и курил. Увидев меня, он с хитрецей и некоторой иронией спросил:

– Ну что, Виктор, пристроил шампанское?

Я ответил, что пока нет, ищу рынок сбыта. При этих словах он не выдержал и рассмеялся:

– Твой «рынок» по коридорам редакции веселый ходит. Прекращай свою торговлю и вези оставшееся шампанское, куда хочешь.

Избавиться от коробок с шампанским мне помогли Володя Фойт и Саня Ермаков, и мы развезли оставшиеся коробки по кафешкам города. Но большинство сотрудников об этом не знали, и еще несколько дней ходили за мной и просили продать шампанское. А узнав, что его уже нет, очень расстроились и стали называть меня «плохим коммерсантом» – в шутку, конечно, но с долей истины. Эту коммерческую «операцию с шампанским» ветераны редакции вспоминают до сих пор. С улыбкой.

Раз картошка, два картошка...

В начале 90-х годов в связи с подскочившими ценами на продукты питания на ряде предприятий города формировались продовольственные «десанты», которые выезжали в картофельные края страны: в Воронежскую, Липецкую, Кировскую и Курскую области. В девяносто втором за картошкой отправился Жигалкин. Когда он вернулся, я его не узнал: измученный, усталый, похудевший, эмоционально неуравновешенный.

– Всё! – сказал он. – Больше в жизни не поеду! Зачем мне это надо?! Всем не угодишь!

Я не понимал, о чем он говорит и почему у него такая реакция, но расспрашивать не стал. Зачем лезть человеку в душу. А в следующем году за картошкой стал собираться я. Накануне отъезда меня пригласил Борис Моисеевич.

– Виктор, – сказал он, – ты едешь в места, где прошли мои детские годы. Там у меня много хороших знакомых и друзей, они тебе помогут и дадут то, что будет нужно. Остановитесь в доме моего отчима, он там сейчас живет с моим братом. Запоминай или запиши адрес. Картошку бери только свежую, с подворья, а с овощных баз не стоит, она у них лежала. С тобой поедет Гена Буряков, твой хороший знакомый, он тебе и поможет, и подскажет, как поступить в той или иной ситуации, он в этих вопросах опытный человек. Если что, звони мне оттуда. Удачной тебе поездки!

И на этом мы расстались.

Не могу не сказать несколько добрых слов еще об одном своем друге – Геннадии Бурякове, которого многие уважительно называли и по-прежнему называют не иначе как Геннадий Иванович. С Геней нас познакомил еще в семьдесят седьмом году Коля Малинский. Мы с Геней оказались одногодками и в один год окончили институты. Только Гена педагогический, а я – радиотехнический. С газетой Буряков начал сотрудничать как автор небольших заметок, потом он это дело бросил и переключился на другие виды деятельности. Но с редакцией и городской типографией связи не терял. И вот мы вновь встретились в «Таганрогской правде».

Он обладал неумемной энергией, большим трудолюбием, а главное – умел генерировать разные идеи коммерческого толка. Интересные его предложения мы реализовывали, а от некоторых приходилось отказываться. Слишком рискованными они мне представлялись и в правовом отношении сомнительными.

Гена поддерживал хорошие отношения с руководством близлежащих колхозов и совхозов, благодаря чему мы постоянно снабжали работников редакции свежими овощами. Но к этому занятию он относился как к хобби, а вообще Гена тяготел к полиграфической деятельности. Сегодня Геннадий Иванович Буряков известен как успешный предприниматель, директор типографии «На Мечниковском, 2».

Десант «продотряда»

Для поездки «продотряда» за картошкой редакция арендовала в автоколонне № 1423 «комфортабельную» «техничку». Это, по сути, тот же автобус «Икарус», только приспособленный для оказания техпомощи сломавшимся на линии автобусам. С нами поехали два водителя – Николай Сандуляк и Николай Пироженко. Узнав их имена, я сразу назвал одного «Николай I», другого – «Николай II». Нет смысла подробно описывать всё наше путешествие, остановлюсь только на некоторых моментах.

Выехали мы под вечер: дорога не так загружена, да и гаишники попадаются редко. Машина легко бежала по трассе Ростов – Воронеж. Конечным пунктом нашей поездки была деревня Александровка Димитровского района Курской области. Нужную нам хату, адрес которой дал Борис Моисеевич, нашли быстро.

Александровка резко отличалась от ухоженных зажиточных сёл родного Неклиновского района. Ветхие домики, все сплошь деревянные или саманные, покрытые отнюдь не ондулином. А один выглядел так, что захотелось крикнуть: «Избушка, избушка, повернись ко мне передом!..» Отсутствовали и привычные тротуары – прямо с грунтовой дороги, изрытой глубокой тракторной колеёй, короткие дорожки сразу вели в подворья. Но все эти минусы цивилизации компенсировались сказочной природой. В голове звучали пушкинские строки: «Унылая пора! Очей очарованье!..»

Но вернемся к дому, где нам предстояло остановиться на несколько дней. Стучали в дверь долго, уже собрались уходить, как услышали окрик:

– Кто там тарабанит? Сейчас открою.

И через минуту в дверях стоял мужчина в экзотическом одеянии. Телогрейка-безрукавка поверх рубашки, поношенное трико с лампасами, а на голове – соломенная шляпа образца 50-х годов.

«Дежавю, – промелькнуло в голове. – Да это же отец моего школьного соученика Женьки Гаврилова!». С Женькой мы учились с первого класса, даже немного дружили, а потом разбежались.

Вошли в дом, познакомились. Звали хозяина Федор Павлович. Он тут же засуетился и стал накрывать на стол. Спустился в подвал, принес миску настоящих бочковых соленых огурцов и квашеную капусту, нарезал кубиками сало и стал жарить яичницу на давно забытом керогазе. Извинился, что нет хлеба, так как в сельпо его привозят не каждый день. Но хлеб

имелся у нас, и не только он, и мы подсели к столу. А чуть погода появился и Женька. Увидев меня, он воскликнул:

– Тю, Волошин! А ты каким боком здесь, тоже за картошкой приехал?

Мы не виделись много лет. Женька мало изменился, только морщин прибавилось и седых волос. Федор Павлович удивился, что мы знакомы, а потом произнес:

– Вот и хорошо, завтра Женя вас поведет по дворам и покажет, у кого можно купить картошку.

И на следующее утро мы отправились по дворам...

Что день грядущий нам готовит?

Слух о том, что в Александровку приехали «скупщики с города», сразу разлетелся по округе. И селяне, заняв позицию у своих плетней, дожидались, когда мы подойдем к их подворью. Конкуренция торжествовала. Мы долго ходили и выбирали картошку, приценивались. Наконец в одном из дворов нашли то, что привлекло наше внимание. Хозяин подворья – бойкий старичок сказал, что если мы заберем у него всю картошку, то он сбросит цену. И направился в подвал отпускать нам товар.

В это время на крыльцо вышла полная женщина, по всей видимости, его жена. И вслед старичку прокричала, растягивая слова на диалекте жителей средней полосы России:

– Ва-а-нь, те-бе пле-ти па-а- да-а-ть?

Я подумал: «Какие плети, о чем это она?» А когда увидел в ее в руках плетеную корзину внушительных размеров, сразу догадался, о чем идет речь. «Плетями» крестьяне называли вместительные корзины, потому что их плели из гибких березовых или других веток.

В течение светового дня мы с Геней и водителями опустошили несколько дворов и с непривычки устали до потери пульса, ноги подкашивались. На этом решили закончить. И отправились к местному пруду смыть с себя картофельную пыль и грязь.

В Александровке мы пробыли дня три и даже успели съездить в ближайшее село Меловое, более цивилизованное и продвинутое, чем Александровка. И, наконец, наш «летучий отряд» выехал обратно в Таганрог.

Здравствуй, родина!

Ехали без остановок всю ночь напролет, водители сменяли друг друга, и во второй половине следующего дня мы уже въезжали во двор редакции, когда рабочий день еще не закончился. Об этом сразу узнали все сотрудники. Пока наша «техничка» редела, гудела и громыхала на всю округу, пытаясь заехать в узкий проезд редакционного двора, около гаражей уже собрался народ, с нетерпением дожидаясь выгрузки мешков. И как только первые мешки опустились на землю, все приступили к «разборкам». Не обошлось без недоумений. Одни никак не могли найти «свои» мешки, со «своими» личными завязками. Другим картошка показалась не такой:

– Ой, ой! Ну разве это картошка?! Посмотрите, она же вся вялая и с кавернами! Я такую брать не буду!

Обидно, конечно, ведь мы эту картошечку собственными руками перебирали... Но большинство было довольно. Вот Николай Иванович Хорошайло подошел и стал благодарить, что хорошую картошку мы привезли, такую, как он и хотел, «синеглазку». А это приятно...

В течение нескольких часов разгрузили машину, люди получили свои мешки, и мы, чертовски уставшие, присели отдохнуть на лавочку.

Так закончилась операция под кодовым названием «Картошка-93». А ровно через год мы вновь отправились по известному маршруту, только на этот раз с нами поехал и водитель редакции Алексей Васильев. Но это уже сюжет для другого рассказа. Который, может, еще случится, к следующему юбилею газеты...

Печальное послесловие

Непродолжительной была моя работа в редакции, но много разных событий произошло за это время, и не только коммерческого профиля. Случались и праздничные «Огоньки», и рядовые дружеские посиделки за «рюмкой» чаю, и локальные конфликты с отдельно взятыми сотрудниками, и даже попытки публиковать статьи. Правда, за годы коммерческих дерзаний их удалось написать не более двух-трех.

В мае 1995 года я с сожалением покинул стены редакции, и судьба привела меня в другое муниципальное предприятие и усадила в кресло юрисконсульта. Но связей с редакцией я не потерял и по-прежнему оставался общественным корреспондентом, как в том далеком 1977 году.

А в памяти навсегда остались имена ушедших товарищей и коллег, тех, с кем мне посчастливилось работать в редакции «Таганрогской правды» в первой половине 90-х годов: Малинского Николая, Кукушкина Владимира, Бардашенко Алексея, Чернова Игоря, Ермакова Александра, Фойта Владимира, Андрианова Геннадия, Хорошайло Николая, Паншина Геннадия, Гузя Виктора, Закоłodного Александра, Козодеровой Елены, Андреевой Эльвиры, Моргун Екатерины, Бражниковой Ирины, Цырковой Марии, Любенко Александра, Чуприны Юрия, Бражникова Александра, Суханова Алексея.

Вечная им память!